

Драко

Приход Ночи

сценарий

По рассказу Айзека Азимова "Приход ночи"

ЕСЛИ БЫ ВСЕ ЗВЕЗДЫ ВСПЫХИВАЛИ В НОЧНОМ НЕБЕ
ЛИШЬ РАЗ В ТЫСЯЧУ ЛЕТ, КАКОЙ ГОРЯЧЕЙ ВЕРОЙ
ПРОНИКЛИСЬ БЫ ЛЮДИ, В ТЕЧЕНИЕ МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ,
СОХРАНЯЯ ПАМЯТЬ О ГРАДЕ БОЖЬЕМ!

ЭМЕРСОН

Действующие лица:

Теремон 762: молодой, энергичный журналист. Длинные, до середины спины рыжие волосы, выразительное лицо, одевается броско, в подчёркнуто-модную одежду. Волосы гладко расчёсаны, двигается с лёгкой небрежностью, развязанно. Носит короткую бородку, усов нет.

Ширин 501: пожилой психолог, внешностью и движениями должен напоминать Энтони Хопкинса из "Ганнибала" (но не из "Молчания ягнят"). Энергичный и весёлый человек, при разговоре активно жестикулирует и может в запале спора стукнуть кулаком по столу или опрокинуть графин. Бороды нет, волосы седые и редкие. Одет в обычный серый костюм.

Атон 77: старик-профессор, ректор Саросского университета, начальник обсерватории. Двигается неуверенно, поминутно оглаживает седую бороду. Всегда разговаривает с раздражением, если его не слушают - гневно фыркает и топаёт ногой..Характер неприятный. Одет в строгий чёрный костюм, поверх которого нацепил расстёгнутый белый халат (единственный в обсерватории). Носит тяжёлые очки и при разговоре сдвигает их на нос.

Бини 25: фотограф. Широкоплечий, добродушный великан, разговаривает тягуче, спокойно, двигается уверенно, с затаённой мощью. Одет в синие джинсы и оранжевый свитер, волосы короткие, тёмные. Характер робкий и стеснительный.

Фаро и Йимот: братья, ассистенты Атона. Вполне обычные молодые люди, одеты не так броско, как Теремон, но досточно современно. Фаро носит очки.

Латимер: хранитель Культа. Одет как христианский священник, в чёрную рясу с широким коричневым поясом. На груди носит большой золочённый знак: символ планеты, окружённой шестью хрустальными шариками. Знак посыпан алмазной пылью, призванной символизировать Звёзды. Лицо неприятное, хитрое, такое лицо обычно имеют подлецы. Уродливая козлиная борода заплетена в несколько тонких косичек, усов нет. Глаза водянистые, холодные.

Несколько человек, сотрудники обсерватории. В сюжете участия не принимают.

Место действия - землеподобная планета Льягаш. Поскольку почти все события происходят в загородной обсерватории, можно избежать дорогостоящих макетных съёмок, но несколько деталей всё же необходимо подчеркнуть, чтобы продемонстрировать "чужеродность" планеты. Главное - в небе Льягаша **светят одновременно шесть Солнц**, хотя в период действия фильма не больше двух разом. Природу за окнами обсерватории надо снимать через красный фильтр, поскольку по мере развития сюжета, в

небе останется всего одно солнце, красный карлик Бета. Желательно использовать настоящую обсерваторию, однако не с оптическим, а с радиотелескопом. Оптических телескопов в том мире быть не может.

Очень важная деталь: нигде, ни в одном кадре не должно быть ничего даже отдалённо напоминающего лампы, светильники или другие источники света. Съёмки происходят **только** при дневном освещении, никаких "люстр" и "подсветок" нигде нет. Сюжет фильма - наступление темноты впервые за две тысячи лет, у жителей Лягаша нет и не может быть никаких технологий производства света. Если в кадре будет автомобиль - у него не должно быть фар и стоп-сигналов. Над рабочими столами сотрудников обсерватории укреплены поворотные зеркала, направленные к окнам, во дворе вокруг здания разбросаны несколько панелей солнечных батарей, причём они закреплены жёстко - никаких поворотных станин и т.д. Свет есть всегда, везде. Никто не знает, что такое темнота.

Фильм начинается с кадров, показывающих природу. Леса и реки, равнины и горы, всё залито ярким солнечным светом. Съёмки ведутся через фильтры, имитирующие бледно-зелёный, белый и бледно-красный свет, цвет неба соответственно меняется. В каждом кадре камера неподвижна, из звуков - только вой ветра. Важно создать ощущение тревоги, ожидания. Идеальный вариант - ускоренная съёмка какой-нибудь долины, в небе над которой стремительно проносятся разноцветные Солнца и клубятся тучи, меняющие оттенок в зависимости от цвета звезды. Вой ветра сопровождает большую часть первой половины фильма, музыки нет вообще. Это фильм-катастрофа, и снимать его надо в стиле Хичкока.

Несколько минут следуют картины природы. Затем - вид обсерватории с большой высоты. Радиотелескоп совсем маленький, вместо него можно использовать большую спутниковую антенну, например ту, что ржавеет на бывшем здании "профсоюзов" возле метро "Делиси". Всё это желательно снимать не с вертолёта, а с крана, чтобы добиться полной неподвижности камеры. Воет ветер. Медленно перемешаются разноцветные тени. В углу экрана появляется надпись: "Звёздное скопление Плеяды, планета Лягаш, девятый цикл, год 2049".

Далеко внизу, на горной дороге, ведущей к обсерватории, появляется открытый автомобиль. Его можно сделать из старой "Волги", навесив декоративные панели и отрезав крышу. Особо футуристического вида не нужно: уровень развития Лягаша примерно соответствует 40-м годам Земли, однако, помните, на автомобиле не должно быть никакой

светотехники. Вместо поворотников - откидные флажки, вместо стоп-сигналов - поворотные красные кружки. На месте фар гладкая панель.

Камера немного приближается, однако продолжает оставаться высоко в воздухе. Звуков нет, только вой ветра. Автомобиль подъезжает к решётчатым воротам обсерватории, из него выходит Теремон 762 и сильно стучит. Ворота долго не открывают.

Наконец, появляется Бини 25, машет рукой Теремону и быстро подходит к воротам. Голоса слышны как бы издали, сквозь вой ветра.

(Бини): - Ты должен был приехать шесть часов назад!

(Теремон): - Дела, дела. Но я всё же приехал. Как там старик?

(Бини): - Он... Я... Пока ему не сказал.

(Теремон, усмехаясь): - Ясно. Идём.

Камера следит, как двое проходят через двор и скрываются в здании. Резкая смена кадра: Теремон и Бини идут по узкому каменному коридору. Ракурс выбран снизу-вверх, от самого пола, и камера вновь неподвижна. Музыка нет. Следующий кадр: Бини и Теремон поднимаются по винтовой металлической лестнице. Гулкое эхо наполняет здание, кроме металлического лязга ничего не слышно. Камера плавно поднимается по вертикальной оси лестницы и одновременно поворачивается, отслеживая актёров. Они идут молча.

Наверху - вновь коридор, но теперь камера смотрит им вслед. Нужно применить широкоугольный объектив с изменяемым углом обзора; по мере того, как Теремон и Бини углубляются в коридор, поле зрения камеры медленно увеличивается, искажая пропорции, и к моменту, когда актёры скроются за дверью, картина будет походить на линзу.

Вновь смена кадра: научная лаборатория. Много всякого оборудования, но оно не "современное" в нашем понимании, а старинное, вроде считывателей перфокарт и доисторических самописцев. НИГДЕ НЕТ СВЕТОВЫХ ИНДИКАТОРОВ ИЛИ ЛАМПОЧЕК; несколько осциллографов на столе вместо экрана используют графопостроители. Всё это "оборудование" можно одолжить в ГПИ, там его девать некуда.

Однако лаборатория очень аккуратно убрана и, главное, она светлая. В стенах множество окон, на окнах нет штор, только занавески. Над каждым рабочим местом - поворотное зеркало, в центре потолка на толстом прозрачном кабеле висит большая хрустальная призма, источающая потоки света. Важно добиться, чтобы было видно - призма всего лишь аккумулирует солнечный свет, а не светится сама. На стенах - НЕ КАФЕЛЬ, а светло-коричневые шпальеры, надо создать ощущение уюта и комфорта. Это очень важно для идеи фильма: смерть приходит в светлую, уютную жизнь обитателей Лягаша.

У самого "навороченного" прибора (скажем, огромного ленточного накопителя) стоит сухая фигура Атона 77. Спинай к гостям. По мере того, как Теремон и Бини идут к Атону, все в лаборатории поворачиваются им вслед; камера смотрит сзади. Медленно начинает рождаться мрачный, угрюмый звук (см. "Шестое чувство"), который завершается резким аккордом к тот миг, когда Атон - последний в лаборатории - замечает гостей. Звук завершается полной тишиной.

(Атон, раздражённо): - Бини, кто этот молодой человек?

(Бини, со смущением в голосе): - Профессор, позвольте вам представить...

(Теремон бесцеремонно обрывает): - Я Теремон 762, специальный корреспондент саросской "Хроники". Я намерен собрать здесь материалы для воскресного выпуска.

(Протягивает руку)

Атон, не в силах поверить, сдвигает очки на нос и несколько секунд недоверчиво смотрит на журналиста. Взгляд его перемещается на протянутую руку Теремона; резко выдохнув, Атон скрещивает руки за спиной и в бешенстве отворачивается.

(Атон, стоя спиной к гостям): - Бини, я хочу чтобы этот человек немедленно покинул обсерваторию.

Теремон пожимает плечами и суёт руки в карманы. Бини робко выходит вперёд.

(Бини, робко): - Профессор, если вы меня выслушаете...

(Теремон, весело): - Да, да, выслушайте его.

(Атон, не поворачивая головы): - Ни слова больше, Бини. С вами я поговорю позже. А вы, молодой человек... (он оборачивается, воинственно выставив вперёд бороду) ...Вы, сэр, явившись ко мне с таким наглым предложением, проявили дьявольское нахальство...

(Бини): - Но, профессор, в конце концов... (Облизывает губы)

Атон резко оборачивается к нему.

(Атон): - Не вмешивайтесь, Бини. Я готов поверить, что вы привели сюда этого человека, руководствуясь самыми добрыми намерениями, но сейчас я не потерплю никаких пререканий.

Теремон вновь вмешивается.

(Теремон): - Ректор Атон, если вы дадите нам с Бини возможность договорить...

(Атон): - Нет, молодой человек. Все, что вы могли сказать, вы уже сказали за эти

последние два месяца в своих ежедневных статьях. Вы возглавили широкую газетную кампанию, направленную на то, чтобы помешать мне и моим коллегам подготовить мир к угрозе, которую теперь уже нельзя предотвратить. Вы не остановились перед сугубо личными оскорбительными нападками на персонал обсерватории и старались сделать его посмешищем.

Атон подходит к столу, берёт оттуда газету и швыряет под ноги Теремону.

(Атон): – Даже такому известному наглецу, как вы, следовало бы подумать, прежде чем являться ко мне с просьбой, чтобы я разрешил именно вам собирать здесь материал для статьи о том, что произойдет сегодня. Именно вам из всех журналистов!

Презрительно фыркнув, Атонотворачивается и подходит к окну.

(Атон): – Можете идти. (говорит через плечо)

Камера приближается, и зритель вместе с Атоном смотрит на пейзаж за окном. Там садится Гамма, самое яркое из шести солнц планеты. Вновь слышен вой ветра. Все в лаборатории хранят молчание. Внезапно Атон резко оборачивается.

(Атон): – Нет, погодите! Идите сюда! (он делает властный жест Теремону). – Я вам дам материал.

Журналист, который и не собирался уходить, медленно подходит к старику. Атон указывает рукой на небо.

(Атон): – Из шести солнц в небе осталась только Бета. Вы видите ее?

(Теремон): - Вопрос излишен. Я журналист, но не слепой.

(Атон, фыркает): - Что вы вообще знаете о Вселенной?

(Теремон пожимает плечами): - Не меньше любого образованного человека. Вселенная состоит из шести звёзд и солнце Альфа обращается вокруг Льягаша. Парная звезда Альфы, Бета, сейчас в зените. Гамма, и три другие звезды, находятся намного дальше, сегодня они в афелии и не видны.

(Атон гневно смотрит на журналиста): - И вы называете себя образованным человеком? Не Альфа обращается вокруг Льягаша, а сам Льягаш является спутником Альфы!

(Теремон, цинично улыбаясь): - Я слышал эту теорию и не разделяю её.

В лучах красного солнца лицо Атона кажется багровым. Он смотрит на Теремона так, словно тот - мерзкое насекомое. Шумно вздохнув, Атон оборачивается к окну и скрещивает руки за спиной.

(Атон): – Не пройдет и четырех часов, как наша цивилизация кончит свое существование. И это произойдет потому, что Бета, как вы видите, осталась на небе одна.

Атон угрюмо улыбается. Камера смотрит со стороны окна, так что красные лучи солнца истекают как-бы из-за камеры.

(Атон): – Напечатайте это! Только некому будет читать.

(Теремон, вкрадчиво): – Но если пройдет четыре часа... и еще четыре... и ничего не случится?

(Атон): – Пусть вас это не беспокоит. Многого случится.

(Теремон): – Не спорю! И все же... если ничего не случится?

Бини 25 вновь робко подаёт голос:

(Бини): – Профессор, мне кажется, вы должны выслушать его.

(Теремон, насмешливо): – Не следует ли поставить этот вопрос на голосование, ректор Атон?

Пятеро ученых (остальные сотрудники обсерватории), до этих пор сохранявшие благоразумный нейтралитет, тревожно переглядываются. Атон бросает на Бини возмущённый взгляд.

(Атон, резко): – В этом нет необходимости, молодой человек. (достаёт из кармана часы). – Раз уж ваш друг Бини так настаивает, я даю вам пять минут. Говорите.

(Теремон): – Хорошо! Ну что изменится, если вы дадите мне возможность описать дальнейшее, как очевидцу? Если ваше предсказание сбудется, мое присутствие ничему не помешает: ведь в таком случае моя статья так и не будет написана. С другой стороны, если ничего не произойдет, вы должны ожидать, что над вами в лучшем случае будут смеяться. Так не лучше ли, чтобы этим смехом дирижировала дружеская рука?

(Атон огрызается): – Это свою руку вы называете дружеской?!

Теремон садится на ближайший стол и небрежно закидывает ногу за ногу.

(Теремон): – Конечно! Мои статьи порой бывали резковаты, но каждый раз я оставлял вопрос открытым. В конце концов, сейчас не тот век, когда можно проповедовать Льягашу «приближение конца света». Вы должны понимать, что люди больше не верят в Книгу откровений и их раздражает, когда ученые поворачивают на сто восемьдесят градусов и говорят, что хранители Культа были все-таки правы...

(Атон, перебивает): – Никто этого не говорит, молодой человек! Хотя многие сведения были сообщены нам хранителями Культа, результаты наших исследований свободны от

культового мистицизма. Факты суть факты, а так называемая «мифология» Культа, бесспорно, опирается на определенные факты. Мы их объяснили, лишив былой таинственности. Заверяю вас, хранители Культа теперь ненавидят нас больше, чем вы. (Теремон): – Я не питаю к вам никакой ненависти. Я просто пытаюсь вам доказать, что широкая публика настроена скверно. Она раздражена.

(Атон, насмешливо скривив губы): – Ну и пусть себе раздражается.

(Теремон): – Да, но что будет завтра?

(Атон): – Никакого завтра не будет.

(Теремон): – Но если будет? Предположим, что будет... Только подумайте, что произойдет. Раздражение может перерасти во что-нибудь серьезное. Ведь, как вам известно, деловая активность за эти два месяца пошла на убыль. Вкладчики не очень-то верят, что наступает конец мира, но все-таки предпочитают пока держать свои денюжки при себе. Обыватели тоже не верят вам, но все же откладывают весенние покупки... так, на всякий случай. Вот в чем дело. Как только все это кончится, биржевые воротилы возьмутся за вас. Они скажут, что раз сумасшедшие... прошу прощения... способны в любое время поставить под угрозу процветание страны, изрекая нелепые предсказания, то планете следует подумать, как их унять. И тогда будет жарко, сэр.

Атон сурово смотрит на журналиста.

(Атон): – И какой же выход из положения предлагаете вы?

(Теремон, улыбаясь): – Я предлагаю взять на себя освещение вопроса в прессе. Я смогу повернуть дело так, что оно будет казаться только смешным. Конечно, выдержать это будет трудно, так как я сделаю вас скопищем идиотов, но, если я заставлю людей смеяться над вами, их гнев остынет. А взамен мой издатель просит одного – не давать сведений никому, кроме меня.

(Бини, взволнованно) – Профессор, все мы думаем, что он прав. За последние два месяца мы предусмотрели все, кроме той миллионной доли вероятности, что в нашей теории или в наших расчетах может крыться какая-то ошибка. Это мы тоже должны предусмотреть.

Остальные сотрудники поддерживают слова Бини одобрительным гулом.

Атон морщится так, будто во рту у него страшная горечь.

(Атон): – В таком случае можете оставаться, если хотите. Однако, пожалуйста, постарайтесь не мешать нам. Помните также, что здесь руководитель я, и, какой бы точки зрения вы ни придерживались в своих статьях, я требую содействия и уважения к...

Атон говорит, заложив руки за спину, его морщинистое лицо выражает твердую решимость. Но в этот миг его перебивает новый голос:

(Ширин, входя в лабораторию): – Ну-ка, ну-ка, ну-ка! (улыбается) – Почему у вас такой похоронный вид? Надеюсь, все сохраняют спокойствие и твердость духа?

(Атон, недоуменно нахмурившись, раздраженно): – Какая тьма вам тут понадобилось, Ширин? Я думал, вы собираетесь остаться в Убежище.

Ширин, рассмеявшись, плюхнется на стул и утирает платком пот со лба. В его движениях должна быть видна та же затаённая мощь, как у Энтони Хопкинса, и этот, внешне безобидный, толстяк, должен вызывать немного жуткое ощущение. Лёгкий шипящий фоновый шум разбавляет мёртвую тишину в лаборатории; это нужно для нагнетания напряжения. Камеры установлены с небольшим наклоном, ракурсы - резкие и тревожные. Свет за окном (и в здании) медленно обретает багровую окраску. Начиная с этого дубля, все дальнейшие кадры снимаются в ясную погоду, на закате.

(Ширин): – Да провались оно, это Убежище! Оно мне надоело. Я хочу быть здесь, в центре событий. Неужто, по-вашему, я совершенно нелюбопытен? Я хочу увидеть Звезды, о которых без конца твердят хранители Культа.

Он потирает руки и добавляет уже более серьезным тоном:

(Ширин): – На улице холодновато. Ветер такой, что на носу повисают сосульки. Бета так далеко, что совсем не греет.

(Атон, внезапно взорвавшись): – Почему вы изо всех сил стараетесь делать всякие нелепости, Ширин? Какая польза от вас тут?!

(Ширин): – А какая польза от меня там? (разводит руками). – В Убежище психологу делать нечего. Там нужны люди действия и сильные, здоровые женщины, способные рожать детей. А я? Для человека действия во мне лишних фунтов сто, а рожать детей я вряд ли сумею. Так зачем там нужен лишний рот? Здесь я чувствую себя на месте.

Теремон вытаскивает из кармана блокнот и деловито спрашивает:

(Теремон): – Так, что такое Убежище?

Ширин только теперь замечает журналиста. Нахмурившись, он окидывает Теремона подозрительным взглядом.

(Ширин): – А вы, рыжий, кто вы такой?

(Атон, сердито сжав губы): – Это Теремон 762 газетчик. Полагаю, вы о нем слышали.

(Теремон протягивает Ширину руку): – А вы, конечно, Ширин 501 из Сароского университета. Я слышал о вас. Так что же такое Убежище?

(Ширин, помолчав): – Видите ли, нам все-таки удалось убедить горстку людей в правильности нашего предсказания... э... как бы это поэффектнее выразиться... рокового конца, и эта горстка приняла соответствующие меры. В основном это семьи персонала обсерватории, некоторые преподаватели университета и кое-кто из посторонних. Всех вместе их сотни три, но три четверти этого числа составляют женщины и дети.

(Теремон, энергично): – Понимаю! Они спрятались там, где Тьма и эти... э... Звезды не доберутся до них, и останутся поэтому целы, когда весь остальной мир сойдет с ума. Если им удастся, конечно. Ведь это будет нелегко. Человечество потеряет рассудок, большие города запылают – в такой обстановке выжить будет трудновато. Но у них есть припасы, вода, надежный приют, оружие...

(Атон, раздражённо): – У них есть не только это. Ещё у них есть все наши материалы,

кроме тех, которые мы соберем сегодня. Эти материалы жизненно необходимы для следующего цикла, и именно они должны уцелеть. Остальное неважно.

Теремон протяжно свистит и задумчиво потирает подбородок. Люди, стоявшие у стола, достают большую доску для коллективных шахмат и начинают играть вшестером. Ходы делают быстро и молча. Все глаза устремлены на доску. Гнетущая тишина густеет, багровое освещение создаёт иллюзию пожара. Камера неподвижна. В открытое окно врывается холодный ветер, развеивает занавески. Поёжившись, Теремон подходит к Атону, который о чём-то шёпотом беседует с Ширином.

(Теремон) – Послушайте, давайте пойдём куда-нибудь, чтобы не мешать остальным. Я хочу спросить вас кое о чём.

(Атон хмуро качает головой, но Ширин весело отвечает): – С удовольствием. Мне будет полезно немного поболтать. Атон как раз рассказывал мне, какой реакции, по вашему мнению, можно ожидать, если предсказание не сбудется... и я согласен с вами. Кстати, я читаю ваши статьи довольно регулярно и взгляды ваши мне в общем нравятся.

(Атон, возмущённо): – Прошу вас, Ширин!

(Ширин): – Что? Хорошо-хорошо. Мы пойдём в соседнюю комнату. Во всяком случае, там кресла помягче.

Сцена: соседняя комната. Мягкий малиновый ковёр на полу и багровые, цвета засохшей крови рельефные шпальеры. На окнах тяжёлые пурпурные шторы. Мебель из красного дерева - массивная, старинная, мягкие кресла обтянуты чёрной замшей. Под потолком - вновь призма, теперь она тяжело тлеет багровым пламенем. Длинные тени от оконных рам перечёркивают комнату, однако освещение должно быть подобрано так, чтобы в течение как минимум полчаса оно могло равномерно темнеть. В конце этого дубля, в комнате должны быть едва видны стены.

Теремон, Ширин и Атон рассаживаются в креслах, вокруг низкого стеклянного стола.

(Теремон, негромко): – Я бы отдал десять кредиток за одну секунду настоящего, белого света. Жаль, что Гаммы или Дельты нет на небе.

(Атон, перебивает): – О чём вы хотели нас спросить? Пожалуйста, помните, у нас мало времени. Через час с четвертью мы поднимемся в купол обсерватории, и после этого разговаривать будет некогда.

(Теремон, откинувшись в кресле): – Ну, так вот. (Скрещивает на груди руки). – Вы все здесь так серьезны, что я начинаю вам верить. И я бы хотел, чтобы вы объяснили мне, в чём, собственно, все дело?

(Атон, возмущённо): – Уж не хотите ли вы сказать, что вы осыпали нас насмешками, даже не узнав как следует, что мы утверждаем?

(Теремон смущенно улыбается): – Ну, не совсем так, профессор. Общее представление я имею. Вы утверждаете, что через несколько часов во всем мире наступит Тьма и все

человечество впадет в буйное помешательство. Я только спрашиваю, как вы это объясните с научной точки зрения.

(Ширин, перебивает): – Нет, так вопрос не ставьте, иначе, если Атон будет расположен ответить, вы утоните в море цифр и диаграмм. И ничего не поймете. А вот если спросите меня, то услышите объяснение, доступное для простых смертных.

(Теремон): – Ну, хорошо, считайте, что я спросил об этом вас.

(Ширин): – Тогда сначала я хотел бы выпить.

Он потирает руки и глядит на Атона. Тот ворчливо спрашивает:

(Атон, ворчливо): – Воды?

(Ширин): – Не говорите глупостей!

(Атон): – Это вы не говорите глупостей! Сегодня никакого спиртного! Мои сотрудники могут не устоять перед искушением и напиться. Я не имею права рисковать.

Психолог что-то бормочет под нос и оборачивается к Теремону. Глаза Ширина сверкают отражённым светом багрового солнца:

(Ширин): – Вы, конечно, знаете, что история цивилизации Льягаша носит циклический характер... Повторяю, циклический!

(Теремон, осторожно): – Я знаю, что это распространенная археологическая гипотеза. Значит, теперь ее считают абсолютно верной?

(Ширин): – Пожалуй. В этом нашем последнем столетии она получила общее признание. Этот циклический характер является... вернее, являлся одной из величайших загадок. Мы обнаружили ряд цивилизаций – целых девять, но могли существовать и другие. Все эти цивилизации в своем развитии доходили до уровня, сравнимого с нашим, и все они, без исключения, погибали от огня на самой высшей ступени развития их культуры. Никто не может сказать, почему это происходило. Все центры культуры выгорали дотла, и не оставалось ничего, что подсказало бы причину катастроф.

(Теремон): – А разве у нас не было еще и каменного века?

(Ширин): – Очевидно, был, но практически о нем известно лишь то, что люди тогда немногим отличались от очень умных обезьян. Таким образом, его можно не брать в расчет.

(Теремон): – Понимаю. Продолжайте.

(Ширин): – Прежние объяснения этих повторяющихся катастроф носили более или менее фантастический характер. Одни говорили, что на Льягаш периодически проливались огненные дожди, другие утверждали, что Льягаш время от времени проходит сквозь солнце, третьи – еще более нелепые вещи. Но существовала теория, совершенно отличающаяся от остальных, она дошла до нас из глубины веков.

(Теремон): – Я знаю, о чем вы говорите. Это миф о Звездах, который записан в Книге откровений хранителей Культа.

(Ширин, довольным голосом): – Совершенно верно. Хранители Культа утверждают, будто каждые две с половиной тысячи лет Льягаш попадает в колоссальную пещеру, так что все солнца исчезают и на весь мир опускается полный мрак. А потом, говорят они, появляются так называемые Звезды, которые отнимают у людей души и превращают их в

неразумных скотов, так что люди губят собственную цивилизацию. Конечно, хранители Культа разбавляют все это невероятным количеством религиозной мистики, но основная идея такова.

Ширина с шумом переводит дух.

(Ширина): – А теперь мы подходим к Теории Всеобщего Тяготения.

Он произносит эту фразу так, словно каждое слово начинается с большой буквы. Атон отверачивается от окна, презрительно фыркает и быстро выходит из комнаты. Ширина и Теремон смотрят ему вслед.

(Теремон): – Что случилось?

(Ширина): – Ничего особенного. Еще двое его сотрудников должны были явиться сюда несколько часов назад, но их все еще нет. А у него каждый человек на счету: все, кроме самых нужных специалистов, ушли в Убежище.

(Теремон): – Вы думаете, они дезертировали?

(Ширина): – Кто? Фаро и Йимот? Конечно, нет. И все же, если они не вернуться в течение часа, это усложнит ситуацию.

Он неожиданно вскакивает на ноги, глаза весело блестят:

(Ширина): – Однако раз уж Атон ушел...

Подойдя на цыпочках к ближайшему окну, он приседает на корточки и вытаскивает бутылку из шкафчика, встроенного под подоконником. В бутылке красное вино. Ширина поспешно возвращается к своему креслу.

(Ширина): – Я так и знал, что Атону про это не известно. Вот! У нас только один стакан – его, поскольку вы гость, возьмете вы. Я буду пить из бутылки. (Осторожно наполняет стаканчик).

Теремон встёт, собираясь отказаться, но Ширина бросает на него строгий взгляд.

(Ширина): – Молодой человек, старших надо уважать.

(Теремон, вздыхая):– Тогда продолжайте рассказывать, старый плут.

Психолог подносит ко рту горлышко бутылки, его кадык начинает дергаться. Затем он довольно крикает, чмокает губами и продолжает рассказ.

(Ширина): – А что вы знаете о тяготении?

(Теремон): – Только то, что оно было открыто совсем недавно, и теория эта почти не разработана, а формулы настолько сложны, что на Лягаше постигнуть ее способны всего двенадцать человек.

(Ширина): – Чепуха! Ерунда! Я изложу сущность этой теории в двух словах. Закон всеобщего тяготения утверждает, что между всеми телами Вселенной существует связующая сила и что величина силы, связующей два любых данных тела,

пропорциональна произведению их масс, деленному на квадрат расстояния между ними.

(Теремон): – И все?

(Ширин): – Этого вполне достаточно! Понадобились четыре века, чтобы открыть этот закон.

(Теремон): – Почему же так много? В вашем изложении он кажется очень простым.

(Ширин): – Потому что великие законы не угадываются в минуты вдохновения, как это думают. Для их открытия нужна совместная работа ученых всего мира в течение столетий. После того как Генови 41 открыл, что Льягаш вращается вокруг солнца Альфа, а не наоборот (это произошло четыреста лет назад), астрономы поработали очень много. Они наблюдали, анализировали и точно определили сложное движение шести солнц. Выдвигалось множество теорий, их проверяли, изменяли, отвергали и превращали во что-то еще. Это была чудовищная работа.

Теремон задумчиво кивает и протягивает пустой стаканчик. Ширин нехотя ему наливает.

(Ширин, продолжает): – Двадцать лет назад было наконец доказано, что закон всеобщего тяготения точно объясняет орбитальное движение шести солнц. Это была великая победа.

Ширин встаёт и направляется к окну, не выпуская из рук бутылки.

(Ширин): – А теперь мы подходим к главному. За последнее десятилетие орбита, по которой Льягаш обращается вокруг солнца Альфа, была вновь рассчитана на основе этого закона, и оказалось, что полученные результаты не соответствуют реальной орбите, хотя были учтены все возмущения, вызываемые другими солнцами. Либо закон не был верен, либо существовал еще один, неизвестный фактор.

Теремон подходит к Ширину, который стоит у окна. Вместе они смотрят на шпили далёкого города Саро, которые кроваво пылают на горизонте за лесистыми склонами холмов. Теремон бросает взгляд на солнце Бету. Ее крохотное красное пятнышко зловеще рдеет в зените.

(Теремон, тихо и неуверенно): – Продолжайте, сэр.

(Ширин): – Астрономы целые годы топтались на месте, и каждый предлагал теорию еще более несостоятельную, чем прежние, пока... пока Атон по какому-то наитию не обратился к Культуре. Глава Культуры, Сор 5, располагал сведениями, которые значительно упростили решение проблемы. Атон пошел по новому пути. А что, если существует еще одно, не светящееся планетное тело, подобное Льягашу? В таком случае оно, разумеется, будет сиять только отраженным светом и, если поверхность этого тела сложена из таких же голубоватых пород, как и большая часть поверхности Льягаша, то в красном небе вечное сияние солнц сделало бы его невидимым... как бы поглотило его.

(Теремон, присвистнув): – Что за нелепая мысль!

(Ширин): – По-вашему, нелепая? Ну, так слушайте. Предположим, что это тело вращается вокруг Льягаша на таком расстоянии, по такой орбите и обладает такой массой, что его притяжение в точности объясняет отклонения орбиты Льягаша от теоретической... Вы знаете, что бы тогда случилось?

Журналист качает головой.

(Ширин): – Время от времени это тело заслоняло бы собой какое-нибудь солнце, (залпом допивает вино).

(Теремон, решительно): – И, наверно, так и происходит.

(Ширин): – Да! Но в плоскости его обращения лежит только одно солнце, (указывает на небо) – Бета! И было установлено, что затмение происходит, только когда из солнц над нашим полушарием остается лишь Бета, находящаяся при этом на максимальном расстоянии от Льягаша. А луна в этот момент находится от него на минимальном расстоянии. Видимый диаметр луны в семь раз превышает диаметр Беты, так что тень ее закрывает всю планету и затмение длится половину суток, причем на Льягаше не остается ни одного освещенного местечка. И такое затмение случается каждые две тысячи сорок девять лет!

На лице Теремона не вздрагивает ни один мускул.

(Теремон): – Это и есть материал для моей статьи?

(Ширин, кивает): – Да, тут все. Сначала затмение, оно начнется через три четверти часа... Потом всеобщая Тьма и, быть может, пресловутые звезды... А потом безумие и конец цикла.

Ширин задумчиво смотрит в окно. Довольно долго царит молчание.

(Ширин, угрюмо): – В распоряжении сотрудников обсерватории было только два месяца. Это слишком малый срок, чтобы доказать Льягашу, какая ему грозит опасность. Возможно, на это не хватило бы и двух столетий. Но в Убежище хранятся наши записи, и сегодня мы сфотографируем затмение. Следующий цикл с самого начала будет знать истину, и, когда наступит следующее затмение, человечество наконец будет к нему готово. Кстати, это тоже материал для вашей статьи.

Камера перемещается наружу. Кадр извне: Теремон открывает окно, и сквозняк заставляя шторы взметнуться, подобно крыльям умирающей птицы. Холодный ветер развеивает волосы журналиста. Он смотрит на свою руку, освещенную багровым солнечным светом. Заунывный вой ветра отесняет все остальные звуки на задний план. Ощущение холода, надвигающейся катастрофы. Внезапно Теремон оборачивается и возмущенно говорит:

(Теремон): – Почему вдруг я должен обезуметь из-за этой тьмы?

Ширин, улыбаясь какой-то своей мысли, машинально вертит в руке пустую бутылку.

(Ширин): – Молодой человек, а вы когда-нибудь бывали во Тьме?

Журналист прислоняется к стене и задумчиво оглаживает подбородок.

(Теремон): – Нет. Пожалуй, нет. Но я не знаю, что это такое. Это... (он неопределенно шевелит пальцами, потом находит нужные слова): – Это просто когда нет света. Как в пещерах.

(Ширин): – А вы бывали в пещере?

(Теремон): – В пещере? Конечно, нет!

(Ширин): – Я так и думал. На прошлой неделе я попытался – чтобы проверить себя... Но попросту сбежал. Я шел, пока вход в пещеру не превратился в пятнышко света, а кругом все было черно. Мне и в голову не приходило, что человек моего веса способен бежать так быстро.

(Теремон, презрительно искривив губы): – Ну, если говорить честно, на вашем месте я вряд ли побежал бы.

Психолог, досадливо хмурясь, пристально смотрит на журналиста.

(Ширин): – А вы хвастунишка, как я погляжу. Ну-ка, попробуйте задернуть шторы.

(Теремон, с недоумением): – Для чего? Будь в небе четыре или пять солнц, может быть, и стоило бы умерить свет, но сейчас его и без того мало.

(Ширин): – Вот именно. Задерните шторы, а потом идите сюда и сядьте.

(Теремон): – Ладно.

Он дёргает за шнурок с кисточкой. Красные шторы мягко смыкаются, закрывая окно. Камера, которая всё это время висела снаружи, переключается в комнату. Там царит красноватый полумрак, почти ничего не видно.

В тишине глухо звучат шаги Теремона.

(Теремон, шепчет): – Я вас не вижу, сэр,

(Ширин, напряжённым голосом): – Идите ощупью.

(Теремон, тяжело дыша): – Но я не вижу вас, сэр. Я ничего не вижу.

(Ширин, угрюмо): – А чего же вы ожидали? Идите сюда и садитесь!

Вновь раздаются медленные, неуверенные шаги. Слышно как Теремон ощупью ищет стул. потом хриплый голос:

(Теремон): – Добрался. Я... все нормально.

(Ширин): – Вам это нравится?

(Теремон): – Н-нет. Это отвратительно. Словно стены... (пауза) – Словно стены сдвигаются. Мне все время хочется раздвинуть их. Но я не схожу с ума! Да и вообще это ощущение уже слабеет.

(Ширин): – Хорошо. Теперь отдерните шторы.

В темноте слышны осторожные шаги и шорох задетой материи. Наконец, Теремон находит шнур, и раздаётся победное жужжание отдергиваемой шторы. В комнату врывается ветер и багровый свет солнца. Теремон радостно вскрикивает, Ширин тыльной стороной руки утирает пот со лба.

(Ширин, дрожащим голосом): – А это была всего-навсего темнота в комнате.

(Теремон, беспечно): – Вполне терпимо.

(Ширин): – Да, в комнате. Но вы были два года назад на Выставке столетия в Джонглоре?

(Теремон): – Нет, как-то не собрался. Ехать за шесть тысяч миль, даже ради того, чтобы посмотреть выставку, не стоит.

(Ширин): – Ну, а я там был. Вы, наверное, слышали про «Таинственный туннель», который затмил все аттракционы... во всяком случае, в первый месяц?

(Теремон): – Да. Если не ошибаюсь, с ним связан какой-то скандал.

(Ширин): – Не ошибаетесь, но дело замляли. Видите ли, этот «Таинственный туннель» был обыкновенным туннелем длиной в милю... но без освещения. Человек садился в открытый вагончик и пятнадцать минут ехал через Тьму. Пока это развлечение не запретили, оно было очень популярно.

(Теремон): – Популярно?

(Ширин): – Конечно. Людям нравится ощущение страха, если только это игра. Ребенок с самого рождения инстинктивно боится трех вещей: громкого шума, падения и отсутствия света. Вот почему считается, что напугать человека внезапным криком – это очень остроумная шутка. Вот почему так любят кататься на досках в океанском прибое. И вот почему «Таинственный туннель» приносил большие деньги. Люди выходили из Тьмы, трясясь, задыхаясь, полумертвые от страха, но продолжали платить деньги, чтобы попасть в туннель.

(Теремон): – Погодите-ка, я, кажется, припоминаю. Несколько человек умерли, находясь в туннеле, верно? Об этом ходили слухи после того, как туннель был закрыт.

(Ширин, пренебрежительно): – Умерли двое-трое. Это пустяки! Владельцы туннеля выплатили компенсацию семьям умерших и убедили муниципалитет Джонглора не принимать случившееся во внимание: в конце концов, если людям со слабым сердцем вздумалось прокатиться по туннелю, то они сделали это на свой страх и риск, ну, а в будущем этого не повторится! В помещении касс с тех пор находился врач, осматривавший каждого пассажира, перед тем как тот садился в вагончик. После этого билеты и вовсе расхватавались!

(Теремон): – Так какой же вывод?

(Ширин): – Видите ли, этим дело не исчерпывалось. Некоторые из побывавших в туннеле чувствовали себя прекрасно и только отказывались потом заходить в помещения – в любые помещения: во дворцы, особняки, жилые дома, сараи, хижины, шалаши и палатки.

(Теремон, брезгливо): – Вы хотите сказать, что они отказывались уходить с улицы? Где же они спали?

(Ширин): – На улице.

(Теремон): – Но их надо было заставить войти в дом.

(Ширин): – О, их заставляли! И у этих людей начиналась сильнейшая истерика, и они изо всех сил старались расколотить себе голову о ближайшую стену. В помещении их можно было удержать только с помощью смирительной рубашки и инъекции морфия.

(Теремон): – Просто какие-то сумасшедшие!

(Ширин): – Вот именно. Каждый десятый из тех, кто побывал в туннеле, выходил оттуда таким. Власти обратились к психологам, и мы сделали единственную возможную вещь.

Мы закрыли аттракцион.

(Теремон): – Но что же происходило с этими людьми?

(Ширин): – Примерно то же, что с вами, когда вам казалось, будто в темноте на вас надвигаются стены. В психологии есть специальный термин, которым обозначают инстинктивный страх человека перед отсутствием света. Мы называем этот страх клаустрофобией, потому что отсутствие света всегда связано с закрытыми помещениями и бояться одного – значит бояться другого. Понимаете?

(Теремон): – И люди, побывавшие в туннеле?..

(Ширин): – И люди, побывавшие в туннеле, принадлежали к тем несчастным, чья психика не может противостоять клаустрофобии, которая овладевает ими во Тьме. Пятнадцать минут без света – это много; вы посидели без света всего две-три минуты и, если не ошибаюсь, успели утратить душевное равновесие. Эти люди заболели так называемой «устойчивой клаустрофобией». Их скрытый страх перед Тьмой и помещениями вырывался наружу, становился активным и, насколько мы можем судить, постоянным. Вот к чему могут привести пятнадцать минут в темноте.

Долгое молчание. Теремон пытается осознать слова Ширина.

(Теремон): – Я не верю, что дело обстоит так скверно.

(Ширин, резко): – Вы хотите сказать, что не желаете верить. Вы боитесь поверить. Поглядите в окно.

(Теремон глядит в окно. Психолог продолжает:) – Вообразите Тьму повсюду. И нигде не видно света. Дома, деревья, поля, земля, небо – одна сплошная чернота и вдобавок еще, может быть Звезды... какими бы они там не были. Можете вы представить себе это?

(Теремон, сердито): – Да, могу.

Ширин с неожиданной горячностью ударяет кулаком по столу.

(Ширин): – Вы лжете! Представить себе этого вы не можете. Ваш мозг устроен так, что в нем не укладывается это понятие, как не укладывается понятие бесконечности или вечности. Вы можете только говорить об этом. Крохотная доля этого уже угнетает вас, и, когда оно придет по-настоящему, ваш мозг столкнется с таким явлением, которое не сможет осмыслить. И вы сойдете с ума, полностью и навсегда! Это несомненно!

(Ширин с грустью добавляет) – И еще два тысячелетия отчаянной борьбы окажутся напрасными. Завтра на всем Льягаше не останется ни одного неразрушенного города.

(Теремон, немного спокойнее): – Почему вы так считаете? Я все еще не понимаю, отчего я должен сойти с ума только потому, что на небе нет солнца. Но даже если бы это случилось со мной и со всеми, то каким образом от этого пострадали бы города? Мы будем их взрывать, что ли?

Ширин сердит. В его голосе больше нет веселья и заговорщечкой искорки.

(Ширин): – Находясь во Тьме, чего бы вы жаждали больше всего? Чего бы требовали ваши инстинкты? Света, черт вас побери, света!

(Теремон): – Ну?

(Ширин): – А как бы вы добыли свет?

(Теремон, с запинкой): – Не знаю.

(Ширин): – Каков единственный способ получить свет, если не считать солнца?

(Теремон): – Откуда мне знать?

Они стоят лицом к лицу. В комнате - полная тишина. Лишь слабый вой ветра доносится из окна.

(Ширин): – Вы бы что-нибудь сожгли, уважаемый. Вы когда-нибудь видели, как горит лес? Вы когда-нибудь отправлялись в далекие прогулки и варили обед на костре? А ведь горящее дерево дает не только жар. Оно дает свет, и люди знают это. А когда темно, им нужен свет, и они ищут его.

(Теремон): – И для этого жгут дерево?

(Ширин): – И для этого жгут все, что попадет под руку. Им нужен свет. Им надо что-то сжечь, и, если нет дерева, они жгут что попало. Свет во что бы то ни стало... и все населенные пункты погибают в пламени!

Они смотрят друг на друга так, словно пытаются доказать, чья воля сильнее. Затем Теремон молча опускает глаза. Он дышит хрипло, прерывисто. Тем временем, за закрытой дверью, ведущей в соседнюю комнату, раздаётся шум голосов.

(Ширин, стараясь взять себя в руки): – По-моему, это голос Йимота. Наверно, они с Фаро вернулись. Пойдемте узнаем, что их задержало.

(Теремон, приходя в себя): – Хорошо.

В лаборатории очень шумно. Ученые сгрудились возле двух молодых людей, которые снимают верхнюю одежду и одновременно пытаются отвечать на град вопросов. Атон пытается протолкаться к ним.

(Атон): – Вы понимаете, что осталось меньше получаса? Где вы были?

Фаро садится на стул и потирает руки. Его щёки красны от холода

(Фаро): – Мы с Йимотом только что закончили небольшой сумасшедший эксперимент, который предприняли на свой страх и риск. Мы пытались создать устройство, имитирующее появление Тьмы и Звезд, чтобы заранее иметь представление, как все это выглядит.

Слова вызвали оживление, даже во взгляде Атона появляется интерес.

(Атон): – Вы об этом раньше ничего не говорили. Ну и что вы сделали?

(Фаро): – Мы с Йимотом обдумывали это уже давно, и готовили эксперимент в свободное время. Йимот присмотрел в городе одноэтажное низкое здание с куполообразной крышей... По-моему, там когда-то был музей. И вот мы купили этот дом...

(Атон, перебивает): – А где вы взяли деньги?

(Йимот, смущенно): – Мы забрали из банка все свои сбережения. У нас было около двух тысяч. Ну и что? Завтра наши две тысячи превратились бы в пачку бесполезных бумажек.

(Фаро, кивая): – Конечно. Мы купили дом и затянули все внутри черным бархатом, чтобы

создать наиболее возможную Тьму. Потом мы проделали крохотные отверстия в потолке и крыше и прикрыли их металлическими заслонками, которые можно было сдвинуть одновременно, нажав кнопку. Вернее сказать, мы делали это не сами, а наняли плотника, электрика и других рабочих – денег мы не жалели. Важно было добиться того, чтобы свет, проникая через отверстия в крыше, создавал звездоподобный эффект.

Все слушают, затаив дыхание.

(Атон, сухо): – Вы не имели права делать самостоятельные...

(Фаро, смущённо перебивает): – Я знаю, профессор. Но, откровенно говоря, мы с Йимотом думали, что эксперимент может оказаться опасным. Если бы эффект действительно сработал, то по теории Ширина, мы должны были лишиться рассудка. Мы думали, что это весьма вероятно. И мы хотели взять на себя весь риск. Возможно, нам удалось бы, – конечно, в том случае, если бы мы сохранили рассудок, – выработать у себя иммунитет против того, что должно произойти – и тогда мы обезопасили этим способом всех нас. Но эксперимент вообще не получился...

(Атон): – Что же произошло?

(Йимот): – Мы заперлись там и дали своим глазам возможность привыкнуть к темноте. Это совершенно ужасное ощущение – в полной Тьме кажется, будто на тебя валятся стены и потолок. Но мы преодолели это чувство и привели в действие механизм. Заслонки отодвинулись, по всему потолку засверкали пятнышки света...

(Атон, нетерпеливо): – Ну?

(Йимот): – Ну... и ничего. Вот что самое обидное. Ничего не произошло. Это была просто крыша с дырками, и только так мы ее и воспринимали. Мы проделывали опыт снова и снова... потому мы и задержались... но никакого эффекта не получилось.

Потрясенные услышанным, все молча поворачиваются к Ширину, который слушает с открытым ртом, словно окаменев. Первым приходит в себя Теремон.

(Теремон, облегчённо улыбаясь): – Ширин, вы понимаете, какой удар это наносит вашей теории?

Ширин нетерпеливо поднимает руку.

(Ширин): – Нет, погодите. Дайте подумать. (Он щелкает пальцами, поднимает голову, и в глазах его уже нет выражения неуверенности и удивления) – Ну конечно! Дело в том, что...

Ему не дают договорить. Откуда-то сверху доносится звон разбитого стекла, и Бини, крикнув: «Что за тьма?», кидается вверх по лестнице. Остальные бегут за ним.

Дальнейшее происходит очень быстро. Всё снимается ручной камерой, чтобы картинка раскачивалась и прыгала, как в "Терминаторе 2".

Оказавшись в куполе, Бини с ужасом смотрит разбитые фотографические пластинки и склонившегося над ними Латимера (в рясе священника).

Громко закричав, Бини в бешенстве бросается на незваного гостя, мертвой хваткой схватив его за горло. Они дерутся, катаясь по полу, но тут в купол вбегают остальные сотрудники обсерватории и незнакомца хватают десятки разъяренных людей. Последним в купол поднимается запыхавшийся Атон.

(Атон, тяжело дыша): – Отпустите его!

Все неохотно отходят назад. Незнакомца ставят на ноги. Он хрипло дышит, лицо у него в синяках, ряса порвана. Его рыжеватая козлиная борода тщательно завита по обычаю хранителей Культа.

Бини хватает незнакомца за шиворот и с ожесточением трясёт.

(Бини): – Что ты задумал, мерзавец? Эти пластинки...

(Латимер, холодно): – Я пришел сюда не ради них. Это была случайность.

Бини следует за злобным взглядом священника и яростно рычит.

(Бини): – Понятно. Тебя интересовали сами фотоаппараты. Твое счастье, что ты уронил пластинки. Если бы ты коснулся «Моментальной Берты» или какой-нибудь другой камеры, ты бы у меня умер медленной смертью. Ну а теперь...

Он заносит кулак, но Атон хватается за рукав.

(Атон, резко): – Прекратите! Отпустите его!

Молодой фотограф, заколебавшись, нехотя подчиняется. Оттолкнув его, Атон встаёт перед незванным гостем.

(Атон): – Вас ведь зовут Латимер?

Хранитель Культа слегка кланяется и вытаскивает из-под рясы свой золочённый знак.

(Латимер): – Я Латимер 25, помощник третьего класса его святости Сора 5.

(Атон, изумлённо подняв брови): – И вы были здесь с его святостью, когда он посетил меня неделю назад?

Латимер вновь кланяется.

(Атон): – Так чего же вы хотите?

(Латимер): – Того, что вы мне не дадите добровольно.

(Атон): – Наверно, вас послал Сор 5... Или это ваша собственная инициатива?

(Латимер): – На этот вопрос я отвечать не буду.

(Атон): – Мы должны ждать еще посетителей?

(Латимер): – И на этот вопрос я не отвечу.

Атон смотрит на свои часы и хмурит брови.

(Атон): – Что вашему господину понадобилось от меня? Свои обязательства я выполнил.

Латимер едва заметно улыбается, но ничего не отвечает.

(Атон, сердито): – Я просил его сообщить мне сведения, которыми располагает только Культ, и эти сведения я получил. За это спасибо. В свою очередь я обещал доказать, что догма Культа в существе своем истинна.

(Латимер, гордо): – Доказывать это нет нужды. Книга откровений содержит все необходимые доказательства.

(Атон): – Да. Для горстки верующих. Не делайте вид, что вы меня не понимаете. Я предложил обосновать ваши верования научно. И я это сделал!

(Латимер, яростно): – Да, вы сделали это... но с лисьим лукавством, ибо ваши объяснения, якобы подтверждая наши верования, в то же время устранили всякую необходимость в них. Вы превратили Тьму и Звезды в явления природы, и они лишились своего подлинного значения. Это кощунство!

(Атон): – В таком случае это не моя вина. Существуют объективные факты. И мне остается только констатировать их.

(Латимер): – Ваши «факты» – заблуждение и обман.

(Атон, сердито топнув ногой): – Откуда вы это знаете?

(Латимер, фанатично): – Знаю!

Ректор багровеет от гнева, и Бини принимается что-то настойчиво шептать ему на ухо. Но Атон резко отмахивается.

(Атон): – И чего же хочет от нас Сор 5? Наверно, он все еще думает, что пытаюсь уговорить мир принять меры против угрозы безумия, мы мешаем спасению бесчисленных душ. Если это так важно для него, то пусть знает, что нам это не удалось.

(Латимер): – Сама попытка уже принесла достаточный вред, и вашему нечестивому стремлению получить сведения с помощью этих дьявольских приборов необходимо воспрепятствовать. Мы выполняем волю Звезд, и я жалею только о том, что из-за собственной неуклюжести не успел разбить ваши проклятые приборы.

(Атон): – Это вам дало бы очень мало. Все собранные нами данные, кроме тех, которые мы получим сегодня путем непосредственного наблюдения, уже надежно спрятаны, и уничтожить их невозможно. Но это не меняет того факта, что вы проникли сюда как взломщик, как преступник! (Атон оборачивается к людям, стоящим позади). – Вызовите кто-нибудь полицию из Саро.

(Ширин, поморщившись): – Черт возьми, Атон! Что с вами? У нас нет на это времени. (Он торопливо проталкивается вперед) – Почтенного Латимера я беру на себя.

Атон высокомерно смотрит на психолога.

(Атон): – Сейчас не время для ваших выходок, Ширин. Будьте так добры, не вмешивайтесь в мои распоряжения. Вы здесь совершенно посторонний человек, не забывайте.

(Ширин, выразительно скривив губы): – С какой стати пытаться вызывать полицию сейчас, когда до затмения Беты остались считанные минуты, а этот молодой человек готов дать честное слово, что он не уйдет отсюда и будет вести себя тихо.

(Латимер, возмущённо): – Я не дам никакого слова! Делайте что хотите, но я откровенно предупреждаю вас, что как только у меня появится возможность, я сделаю то, ради чего я здесь. Если вы рассчитываете на мое честное слово, то лучше зовите полицию.

(Ширин, нехорошо улыбаясь): – Вы решительный малый. Ладно, я вам кое-что разьясню. Видите молодого человека у окна?

Он показывает на Теремона, который с выражением ужаса на лице стоит у окна и смотрит куда-то вверх.

(Ширин): - Этот юноша очень силен и умеет работать кулаками, кроме того, он тут посторонний. Когда начнется затмение, ему нечего будет делать, кроме как присматривать за вами. К тому же я и сам... хоть я и толстоват для драки, но помочь ему сумею.

(Латимер, холодно): – Ну и что?

(Ширин) – Выслушайте меня и все узнаете. Как только начнется затмение, мы с Теремоном посадим вас в чуланчик без окон и с дверью, снабженной хорошим замком. И вы будите сидеть там, пока все не кончится.

Латимер сильно вздрагивает и несколько секунд пытается взять себя в руки.

(Латимер, хрипло) – А потом меня некому будет выпустить. Я не хуже вас знаю, что значит появление Звезд... я знаю это куда лучше вас! Все вы потеряете рассудок, и меня никто не освободит. Вы предлагаете мне смерть от удушья или голодную смерть. Чего еще можно ждать от ученых? Но слова своего я не дам. Это дело принципа, и говорить об этом я больше не намерен.

Атон, смутившись, оглядывается на психолога.

(Атон): – В самом деле, Ширин, запирать его...

Ширин машет на него руками.

(Ширин): – Погодите! Я вовсе не думаю, что дело может пойти так далеко. Латимер попробовал – довольно ловко – обмануть нас, но я психолог не только потому, что мне нравится звучание этого слова. (Ширин улыбается хранителю Культа) – Неужели вы думаете, что я способен прибегнуть к столь примитивной угрозе, как голодная смерть? Дорогой Латимер, если я запру вас в чулане, то вы не увидите Тьмы, не увидите Звезд. Самого поверхностного знакомства с догмами Культа достаточно, чтобы понять, что, спрятав вас, когда появятся Звезды, мы лишим вашу душу бессмертия. Так вот, я считаю вас порядочным человеком. Я поверю вам, если вы дадите честное слово не предпринимать никаких попыток мешать нам.

На виске Латимера дергается жилка. Он долго молчит, о чём-то думая, но наконец, как-то весь сжавшись, хрипло говорит:

(Латимер): – Даю слово. (и яростно добавляет) – Но меня утешает то, что все вы будете прокляты за ваши сегодняшние дела.

Латимер резко отворачивается и садится на высокий табурету у двери. Ширин довольно кивает и оборачивается к Теремону, всё ещё стоящему у окна с выражением смертельного страха на лице.

(Ширин): – Сядьте рядом с ним, Теремон... так, формальности ради. Эй, Теремон!

Журналист не двигается с места. Он бледен как полотно.

(Теремон, шепчет): – Смотрите.

Палец его, указующий в небо, дрожит. Ширин смотрит в направлении вытянутого пальца и замирает. Несколько секунд все в куполе, не дыша, смотрят на небо.

Край солнца исчез.

Клочок наползющей на солнце черноты шириной всего с ноготь, но тень от него покрывает мир, подобно Року. Камера, плавно обернувшись вокруг Теремона, "вылетает" из окна и стремительно удаляется, повивнус в небе над обсерваторией. Вдали видна чёткая чёрная линия, где лунная тень отсекает багровый свет.

Смена кадра. Люди в обсерватории всё так же неподвижно смотрят на небо. Внезапно, вскрикнув, Бини бросается к своим фотоаппаратам, и спустя мгновение, начинается суматоха. Она прекращается еще быстрее, чем началась, и сменяется четкой лихорадочной работой: каждый занимается своим делом. В этот критический момент не до личных чувств. Теперь это ученые, поглощенные своей работой. Даже Атон уже не замечает, что происходит вокруг.

Ширин деловито потирает руки.

(Ширин): – Затмение началось, по-видимому, минут пятнадцать назад. Немного рановато, но достаточно точно, если принять во внимание приблизительность расчетов.

Он оглядывается вокруг, на цыпочках подходит к Теремону, который по-прежнему смотрит в окно, и легонько тянет его за рукав.

(Ширин, шёпотом): – Атон разъярен. Держитесь от него подальше. Он проглядел начало из-за возни с Латимером. И, если вы подвернетесь ему под руку, он велит выбросить вас в окно.

Судорожно сглотнув, Теремон нащупывает табурет и падает на него, не в силах больше стоять. Ширин смотрит на него с удивлением.

(Ширин): – Тьма возьми! Да вы дрожите.

(Теремон, облизывая губы): – А? (он пытается улыбнуться). - Я действительно чувствую себя не очень хорошо.

(Ширин, сузив глаза) – Немножко струсили?

(Теремон, негодуяще, громко, чуть не крича): – Нет! Дайте мне прийти в себя. В глубине души я так и не верил в этот вздор... до последней минуты. Дайте мне время свыкнуться с

этой мыслью. Вы же подготавливались больше двух месяцев.

(Ширин, задумчиво): – Вы правы. Послушайте! У вас есть семья – родители, жена, дети? (Теремон, качая головой) – Вы, наверно, имеете в виду Убежище? Нет, не беспокойтесь. У меня есть сестра, но она живет в двух тысячах миль отсюда и я даже не знаю ее точного адреса.

(Ширин): – Ну а вы сами? У вас еще есть время добраться туда. У них все равно освободилось одно место, поскольку я ушел. В конце концов, здесь вы не нужны, зато там можете очень пригодиться...

(Теремон, яростно): – Вы думаете, у меня дрожат коленки? Так слушайте же, вы! Я газетчик, и мне поручено написать статью. И я напишу ее.

(Ширин улыбается) – Я вас понимаю. Профессиональная честь, не так ли?

(Теремон): – Можете называть это и так. Но я отдал бы сейчас правую руку за бутылку спиртного, пусть даже она будет наполовину меньше той, что вы вылакали. Никогда еще так не хотелось выпить...

Он внезапно умолкает, так как Ширин толкает его локтем.

(Ширин): – Вы слышите? Послушайте!

Теремон смотрит туда, куда показывает Ширин, и видит хранителя Культа, который, забыв обо всем на свете, стоит лицом к окну и в экстазе что-то бормочет.

(Теремон, шёпотом): – Что он говорит?

(Ширин, сердито): – Он цитирует Книгу откровений, пятую главу. Молчите и слушайте!

(Латимер, нараспев): «И случилось так, что солнце Бета в те дни все дольше и дольше оставалось в небе совсем одно, а потом пришло время, когда только оно, маленькое и холодное, светило над Льягашем. И собирались люди на площадях и дорогах, и дивились люди тому, что видели, ибо дух их был омрачен. Сердца их были смущены, а речи бессвязны, зане души людей ожидали пришествия Звезд. И в городе Тригоне, в самый полдень, вышел Вендрет 2, и сказал он людям Тригона: «Внемлите, грешники! Вы презираете пути праведные, но пришла пора расплаты. Уже грядет пещера, дабы поглотить Льягаш и все, что на нем!» Он еще не сказал слов своих, а Тьма Пещеры уже заслонила край Беты и скрыла его от Льягаша. Громко кричали люди, когда исчезал свет, и велик был страх, овладевший их душами.

И случилось так, что Тьма Пещеры пала на Льягаш, и не было света на всем Льягаше. И люди стали как слепые, и никто не видел соседа, хотя и чувствовал его дыхание на лице своем.

И в этот миг души отделились от людей, а их покинутые тела стали как звери, да, как звери лесные; и с криками рыскали они по темным улицам городов Льягаша.

А со Звезд пал Небесный Огонь, и где он коснулся Льягаша, там обращались в пепел города его, и ни от человека, ни от дел его не осталось ничего.

И в час тот...»

Латимер замечает, что Ширин и Теремон его слушают. Что-то меняется в его голосе. Легко, не переводя дыхания, Латимер чуть меняет тембр, и речь становится непонятной.

Теремон вздрагивает от удивления. Слова кажутся почти знакомыми, однако акцент неуловимо изменился, сместились ударения – и понять Латимера уже нельзя.

(Ширин, хитро улыбаясь): – Он перешел на язык какого-то древнего цикла. Быть может, на язык их легендарного второго цикла. Именно на этом языке, как вы знаете, была первоначально написана Книга откровений.

Теремон отодвигает свой табурет и приглаживает волосы пальцами, которые уже не дрожат.

(Теремон): – Это все равно, с меня достаточно. Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

(Ширин, удивлённо) – Неужели?

(Теремон): – Несомненно. Хотя несколько минут назад я и перепугался. Все эти ваши рассказы о тяготении, а потом начало затмения чуть было совсем не выбили меня из колеи. Но это... (он презрительно указывает пальцем в сторону Латимера), – это я слышал еще от няньки. Я всю жизнь посмеивался над этими сказками. Пугаться их я не собираюсь и теперь.

Он глубоко вздыхает и добавляет с нервной усмешкой:

(Теремон): – Но чтобы опять не потерять присутствия духа, я лучше отвернусь от окна.

(Ширин): – Прекрасно. Только лучше говорите потише. Атон только что оторвался от своего прибора и бросил на вас убийственный взгляд.

(Теремон, с гримасой): – Я забыл про старика.

Он осторожно переставляет табурет, чтобы сидеть спиной к окну. С отвращением глядит через плечо.

(Теремон): – Мне пришло в голову, что очень многие должны быть невосприимчивы к этому звездному безумию.

Психолог отвечает не сразу. Бета уже прошла зенит, и кроваво-красное квадратное пятно, повторявшее на полу очертания окна, переползает теперь на колени Ширина. Он задумчиво глядит на этот тусклый багрянец, потом нагинается и смотрит на само солнце. Камера показывает из окна, на фоне воя ледяного ветра и развевающихся занавесок. Музыка, звуков, шума – ничего нет. Чернота поглотила треть солнца. Ширин содрогается, и, когда он снова выпрямляется, его румяные щеки заметно бледнеют. Со смущенной улыбкой он тоже садится спиной к окну.

(Ширин, с иронией): – Сейчас в Саро, наверно, не менее двух миллионов людей возвращаются в лоно Культа, который переживает свое великое возрождение. Культу предстоит целый час небывалого расцвета. Думаю, что его хранители извлекают из этого срока все возможное. Простите, вы сейчас что-то сказали?

(Теремон): – Вот что: каким образом хранители Культа умудрялись передавать Книгу откровений из цикла в цикл и каким образом она вообще была написана? Значит, существует какой-то иммунитет – если все сходили с ума, то кто же все-таки написал эту книгу.

Ширин грустно смотрит на Теремона.

(Ширин): – Ну, молодой человек, очевидцев, которые могли бы ответить на этот вопрос, не существует, но мы довольно точно представляем себе, что происходило. Видите ли, имеются три группы людей – они пострадают по сравнению с другими не так сильно. Во-первых, это те немногие, которые вообще не увидят Звезд; к ним относятся слепые и те, кто напьется до потери сознания в начале затмения и протрезвится, когда все уже кончится. Этих мы считать не будем, так как, в сущности, они не очевидцы. Затем дети до шести лет, для которых весь мир еще слишком нов и неведом, чтобы они испугались Звезд и Тьмы. Они просто познакомятся с еще одним явлением и без того удивительного мира. Согласны?

Теремон неуверенно кивает.

(Теремон): – Пожалуй.

(Ширин): – И, наконец, тугодумы, слишком тупые, чтобы лишиться своего неразвитого рассудка... например, старые, замученные работой крестьяне. Ну, у детей остаются только отрывочные воспоминания, и вкупе с путаной, бессвязной болтовней полусумасшедших тупиц они-то и легли в основу Книги откровений. Естественно, первый вариант книги был основан на свидетельствах людей, меньше всего годившихся в историки, то есть детей и полудиотов; но потом ее, наверно, тщательно редактировали и исправляли в течение многих циклов.

(Теремон): – Вы думаете, они пронесли книгу через циклы тем же способом, которым мы собираемся передать следующему циклу секрет тяготения?

(Ширин, пожимая плечами): – Возможно. Не все ли равно, как они это делают. Как-то умудряются. Я хочу только сказать, что эта книга полна всяческих искажений, хотя в основу ее и легли действительные факты. Например, вы помните эксперимент Фаро и Йимота с дырками на крыше, который не удался?..

(Теремон): – Да.

(Ширин): – А вы знаете, почему он не...

Он умолкает и в тревоге поднимается со стула: к ним подходит Атон. На лице старика ужас.

(Ширин, в страхе) – Что случилось?

Атон берёт Ширина под локоть и отводит в сторону. У старика дрожат руки.

(Атон, хриплым шёпотом): – Говорите тише! Я только что получил известие из Убежища.

(Ширин хватая его за плечо): – У них что-нибудь неладно?

(Атон, с трудом выдавливая слова) – Не у них. Они только что заперлись и выйдут наружу только послезавтра. Им ничто не грозит. Но город, Ширин... В городе кровавый хаос. Вы не представляете себе...

(Ширин, нетерпеливо): – Ну? Ну и что? Будет еще хуже. Почему вы так дрожите? – (он подозрительно смотрит на Атона) – Как вы себя чувствуете?

При этом намеке в глазах Атона мелькает гнев, но тут же вновь сменяется мучительной тревогой.

(Атон): – Вы не понимаете. Хранители Культа не дремлют. Они призывают людей напасть на обсерваторию, обещая им немедленное отпущение грехов, обещая спасание души, обещая все что угодно. Что нам делать, Ширин?

Ширин опускает голову и отсутствующим взглядом долго смотрит на носки своих башмаков. Задумчиво постучав пальцем по подбородку, он наконец поднимает глаза и решительно говорит:

(Ширин): – Что делать? А что вообще можно сделать? Ничего! Наши знают об этом?

(Атон): – Конечно, нет!

(Ширин): – Хорошо! И не говорите им. Сколько времени осталось до полного затмения?

(Атон): – Меньше часа.

(Ширин): – Нам осталось только рискнуть. Чтобы организовать действительно опасную толпу, понадобится время, и сюда они не скоро дойдут. До города добрых миль пять...

Он смотрит в окно, на поля, покрытые багровым сумраком, на далёкие шпили столицы, которая в тусклых лучах Беты кажется туманным пятном на горизонте.

(Ширин, не оборачивая головы): – Понадобится время. Продолжайте работать и молитесь, чтобы полное затмение опередило толпу.

Камера медленно движется над плечом Ширина и замирает в воздухе, за окном обсерватории. На тёмно-красном небе зловеще пылает остаток звезды. Теперь Бета разрезана пополам и выгнутая граница черноты вторглась на вторую, еще светлую половину. словно гигантское веко наискосок смыкается над источником вселенского света. Приглушенные звуки кипящей в обсерватории работы стихают, уступая место непобедимому, страшному вою ледяного ветра. Вой только подчёркивает страшную, неестественную тишину, опустившуюся за окном. Даже насекомые испуганно молчат, все вокруг потускнело.

Над ухом Ширина слышен чей-то голос. Камера рывком возвращается в купол и показывает Теремона.

(Теремон): – Что-нибудь случилось?

(Ширин): – Что? Нет. Садитесь. Мы мешаем работать.

Они возвращаются в свой угол, но психолог некоторое время молчит. Он пальцем оттягивает воротник и вертит головой, но легче от этого не становится. Вдруг он оборачивается к Теремону:

(Ширин): – А вам не трудно дышать?

Журналист широко открывает глаза и делает несколько глубоких вдохов.

(Теремон): – Нет. А что?

(Ширин): – Наверно, я слишком долго смотрел в окно. И на меня подействовал полумрак. Затруднение дыхания – один из первых симптомов приступа клаустрофобии.

(Теремон, ещё раз глубоко вдохнув): – Ну, на меня он еще не подействовал. Смотрите, кто-то идет.

Между ними и окном, заслоня тусклый свет, встаёт Бини. Ширин испуганно глядит на него.

(Ширин): – А, Бини!

Фотограф смущённо переступает с ноги на ногу и слабо улыбается.

(Бини): – Вы не будете возражать, если я немного посижу тут с вами? Мои камеры подготовлены, и до полного затмения мне делать нечего.

Он смотрит на Латимера, который достал из рукава маленькую книгу в кожаном переплете и углубился в чтение.

(Бини): – Этот мерзавец вел себя тихо?

Ширин кивает. Расправив плечи и напряженно хмурясь, он заставляет себя ровно дышать.

(Ширин): – Бини, а вам не трудно дышать?

(Бини, глубоко вздохнув): – Мне не кажется, что здесь душно.

(Ширин, виновато): – У меня начинается клаустрофобия.

(Бини): – А-а-а! Со мной дело обстоит по-другому. У меня такое ощущение, будто что-то случилось с глазами. Все кажется таким неясным и расплывчатым... И холодно.

(Теремон, поморщившись): – Да, сейчас действительно холодно. Уж это-то не иллюзия. У меня так замерзли ноги, будто их только что доставили сюда в вагоне-холодильнике.

(Ширин): – Нам необходимо говорить о чем-нибудь нейтральном. Я же объяснил вам, Теремон, почему эксперимент Фаро с дырками в крыше окончился неудачей...

(Теремон): – Вы только начали.

(Ширин): – Ну, так вот: они слишком уж буквально толковали Книгу откровений. Вероятно, вовсе не следует считать Звезды физическим феноменом. Дело в том, что полная Тьма, возможно, заставляет мозг, так сказать, творить свет. Наверно, Звезды и есть эта иллюзия света.

(Теремон): – Другими словами, Звезды, по вашему мнению, результат безумия, а не его причина? Зачем же тогда Бини фотографировать небо?

(Ширин): – Хотя бы для того, чтобы доказать, что Звезды – это иллюзия. Или чтобы доказать обратное – я ведь ничего не утверждаю наверняка. Или, наконец...

(Бини, перебивает): – Я рад, что вы заговорили об этом, (он поднимает вверх палец) – Я думал об этих Звездах и пришел к довольно любопытным выводам. Конечно, все это построено на песке, но кое-что интересное, как мне кажется, в этом есть... Хотите послушать?

(Ширин, откинувшись на спинку стула) – Говорите. Я слушаю.

(Бини, смущенно): – Так вот: предположим, что во Вселенной есть другие солнца. То есть такие солнца, которые находятся слишком далеко от нас и потому почти не видны.

Наверно, вам кажется, что я начитался научной фантастики...

(Ширин): – Почему же? Но разве подобная возможность не опровергается тем фактом, что по закону тяготения об их существовании должно было свидетельствовать их притяжение?

(Бини): – Оно не скажется, если эти солнца достаточно далеко. Хотя бы на расстоянии четырех световых лет от нас или еще дальше. Мы не можем заметить такие возмущения, потому что они слишком малы. Предположим, что на таком расстоянии от нас имеется много солнц... десяток или даже два...

(Теремон, присвистнув): – Какую статью можно было бы соорудить из этого для воскресного приложения! Два десятка солнц во Вселенной на расстоянии восьми световых лет друг от друга. Конфетка! Таким образом, наша Вселенная превращается в пылинку! Читатели будут в восторге.

(Бини, смутившись): – Это ведь только предположение. А вывод из него такой: во время затмения эти два десятка солнц стали бы видимы, исчез бы солнечный свет, в блеске которого они тонут. Поскольку они очень далеко, то будут казаться маленькими, как камешки. Конечно, хранители Культа говорят о миллионах Звезд, но это явное преувеличение. Миллион Звезд просто не уместятся во Вселенной – они касались бы друг друга!

Ширин слушает Бини со все возрастающим интересом.

(Ширин): – В этом что-то есть, Бини. Преувеличение... именно это и случается. Наш мозг, как вы очевидно, знаете, не способен сразу осознать точное число предметов, если их больше пяти; для большего числа у нас существует понятие «много». А десяток таким же образом превращается в миллион. Очень интересная мысль!

(Бини): – Мне пришло в голову еще одно любопытное соображение. Вы когда-нибудь задумывались над тем, как упростилась бы проблема тяготения, если бы мы имели дело с относительно несложной системой? Представьте себе Вселенную, в которой у планеты только одно солнце. Планета обращалась бы по правильной эллиптической орбите, и точная природа силы тяготения была бы очевидной и без доказательств. Астрономы такого мира открыли бы тяготение, пожалуй, даже прежде, чем изобрели бы телескоп. Оказалось бы достаточным простое наблюдение невооруженным глазом.

(Ширин, с сомнением): – Но была бы такая система динамически стабильна?

(Бини): – Конечно! Это так называемый «случай двух тел». Математически это было исследовано, но меня интересует философская сторона вопроса.

(Ширин, вздохнув): – Как приятно оперировать такими изящными абстракциями, вроде идеального газа или абсолютного нуля.

(Бини): – Разумеется, беда в том, что жизнь на такой планете была бы невозможна. Она не получала бы достаточно тепла и света, и, если бы она вращалась, на ней бала бы полная тьма половину каждых суток, так что жизнь, первым условием существования которой является свет, не могла бы там развиваться...

Ширин перебивает его, вскочив так резко, что стул падает:

(Ширин): – Атон принес светильники!

Бини запинается. Обернувшись, он улыбается с таким облегчением, что рот его растягивается до ушей. В руках Атона десяток стержней длиной сантиметров тридцать и толщиной в три. Он свирепо глядит поверх стержней на собравшихся вокруг сотрудников обсерватории.

(Атон): – Немедленно возвращайтесь на свои места! Ширин, идите сюда, помогите мне!

Ширин подбегает к старику, и в полной тишине они принимаются вставлять стержни в самодельные металлические держатели, висящие на стенах. С таким видом, словно он приступает к свершению главного таинства какого-нибудь священного ритуала, Ширин чиркает большой неуклюжей спичкой и, когда она, брызгая искрами, загорается, передаёт ее Атону, который подносит пламя к верхнему концу одного из стержней.

Пламя сначала тщетно лижет конец стержня, но затем неожиданная желтая вспышка ярко освещает сосредоточенное лицо Атона. Он отводит спичку в сторону, и в комнате раздаётся такой восторженный вопль, что звенят стекла.

Над стержнем поднимается шестидюймовый колеблющийся язычок пламени. Один за другим зажжены остальные стержни, и шесть огней заливают желтым неровным светом даже дальние углы комнаты.

Свет тусклый, уступающий даже лучам потемневшего солнца. Пламя мечется, рождая пьяные, раскачивающиеся тени. Факелы отчаянно чадят. Но дают желтый свет.

Желтый свет кажется особенно приятным после багрового сумрака. Даже Латимер отрывается от книги и с удивлением смотрит на светильник.

Ширин греет руки у ближайшего огонька, не обращая внимания на то, что кожу уже покрывает сероватый слой копоти.

(Ширин, бормочет в восторге): – Прелестно! Прелестно! Никогда не думал, что желтый свет так красив.

(Теремон, глядя на факелы с подозрением): – Что за штуки?

(Ширин): – Дерево.

(Теремон): – Ну, нет. Они же не горят. Обуглился только конец, а пламя продолжает вырываться из ничего.

(Ширин): – В этом-то вся и прелесть. Это очень эффективный механизм для получения искусственного света. Мы изготовили их несколько сотен, но большая часть, конечно, отнесена в Убежище. Принцип такой: берется губчатая сердцевина тростника, высушивается и пропитывается животным жиром. Потом она зажигается, и жир понемногу горит. Эти факелы будут гореть безостановочно почти полчаса. Остроумно, не правда ли? Это изобретение одного из молодых ученых Сароского университета.

Вскоре оживление в куполе угасает. Латимер ставит свой стул прямо под факелом и, шевеля губами, продолжает монотонно читать молитвы, обращенные к Звездам. Бини опять отходит к своим камерам, а Теремон пишет в блокноте заметки для статьи. Это помогает не думать о Тьме. Воздух, кажется, стал плотнее. Сумрак, как осязаемая материя, вползает в комнату, и танцующий круг желтого света все резче выделяется среди сгущающейся мглы. Из звуков слышно только завывание ветра за окном и потрескивание факелов; кто-то осторожно, на цыпочках обходит стол, за которым работают астрономы; время от времени кто-нибудь сдержанно вздыхает, стараясь сохранять спокойствие в мире, уходящем в тень. Внезапно слышен отдаленный шум. Первым реагирует Теремон: он выпрямляется и прячет записную книжку. Затаив дыхание, он прислушивается, а потом, пробравшись между солароскопом и одной из камер Бини, нехотя подходит к окну. Тишину разрывает его внезапный крик:

(Теремон): – Ширин!

Все бросают работу. В одну секунду психолог побдегает к журналисту. К ним подходит Атон. Даже Йимот, который примостился на маленьком сиденье высоко в воздухе, возле окуляра громадного солароскопа, опускает голову и смотрит вниз.

В темно-красном, почти коричневом небе от солнца остался только тлеющий осколок, бросавший последний отчаянный взгляд на Льягаш. Горизонт на востоке, где находился город, поглощен Тьмой, а дорога от Саро к обсерватории стала тускло-красной полоской, по обе стороны которой тянутся рощицы. Отдельных деревьев уже не видно, они слились в сплошную темную массу.

Но именно дорога привлекает к себе внимание всех. Камера выдвигается из окна. А на дороге грозно кипит страшная темная масса.

(Атон, кричит): – Сумасшедшие из города! Они уже близко!

(Ширин): – Сколько осталось до полного затмения?

(Атон): – Пятнадцать минут, но... но они будут здесь через пять.

(Ширин): – Неважно. Проследите, чтобы все продолжали работать. Мы их не пустим. У

этого здания стены, как у крепости. Атон, на всякий случай не спускайте глаз с нашего незваного гостя. Теремон, идемте со мной.

Вновь начинается съёмка ручной камерой. Теремон выбегает из комнаты вслед за Шириным, но винтовая лестница уходит вниз, в сырой жуткий сумрак.

Не задерживаясь ни на секунду, Ширин и Теремон по инерции успевают еще спуститься ступенек на двадцать, но тусклый, дрожащий желтый свет, падавший из двери купола, исчезает и со всех сторон смыкается густая зловещая тень.

Ширин хватается рукой за грудь. Глаза его широко раскрываются, голос напоминает сухой кашель:

(Ширин): – Я не могу... дышать... ступайте вниз... один. Заприте все двери...

(Теремон, спустившись ещё на несколько ступенек): – Погодите! Вы можете продержаться минуту? (кричит)

(Теремон): – Стойте здесь, я сейчас вернусь!

Перескакивая через ступеньки, он мчится наверх. Но камера остаётся в темноте, рядом с Шириным. В полной тьме слышно лишь хриплое дыхание психолога.

Наконец, появляется Теремон с факелом в руке. Когда он склоняется над Ширином, тот открывает глаза и стонет. Теремон трясёт его за плечо.

(Теремон): – Ну, возьмите себя в руки! У нас есть свет!

Подняв факел как можно выше и поддерживая спотыкающегося психолога под локоть, он направляется вниз, стараясь держаться в середине спасительного кружка света. В кабинеты на первом этаже еще проникает тусклый свет с улицы.

(Теремон, грубо): – Держите, (суёт факел Ширину). – Слышите их?

Они прислушиваются. Снаружи доносятся бессвязные, хриплые вопли. Окна обсерватории защищены железными решетками из толстых прутьев, глубоко утопленных в бетонную облицовку. Парадная дверь представляет собой массивную дубовую доску, обитую железом. Теремон задвигает засовы.

В другом конце коридора тихо ругается Ширин. Он показывает на дверь черного хода, замок которой аккуратно выломан.

(Ширин): – Вот таким образом Латимер проник сюда.

(Теремон, нетерпеливо): – Ну, так и не стойте столбом! Помогите мне тащить мебель... И уберите факел от моих глаз. Этот дым меня задушит.

Они грохотом волокут к двери тяжелый стол; вскоре там появляется баррикаду, которой не хватает красоты и симметрии, что, однако, с

избытком компенсируется ее массивностью. Откуда-то издали слышен глухой стук кулаков по парадной двери и вопли.

(Теремон, со стоном) – Вернемся в купол!

В куполе только один Йимот продолжает сидеть на своем месте, у солароскопа. Все остальные сгрудились у фотоаппаратов. Хриплым, напряженным голосом Бини даёт последние указания.

(Бини): – Пусть каждый уяснит себе... Я снимаю Бету в момент наступления полного затмения и меняю пластинку. Каждому из вас поручается одна камера. Вы все знаете время выдержки... (проводит ладонью по глазам) Факелы еще горят? Хотя... я сам вижу. Запомните, не... не старайтесь получить хорошие снимки. Не тратьте времени, пытаюсь снять одновременно две Звезды. Одной достаточно. И... и если кто-нибудь почувствует, что с ним началось ЭТО, пусть немедленно отойдет от камеры!

(Ширин, шепчет): – Теремон, отведите меня к Атону. Я не вижу его.

Журналист отвечает не сразу. Люди уже не видны, только расплывчатые смутные тени: желтые пятна факелов над головой почти не дают света.

(Теремон, жалобно): – Темно.

(Ширин): – Атон. (Неуверенно шагает вперед) – Атон!

(Теремон, взяв себя в руки): – Погодите, я отведу вас.

Кое-как им удаётся пересечь комнату. Всё это снято ручной камерой, огни факелов нервно мерцают, снаружи слышны кровожадные вопли и плач. Теремон жмурит глаза, отказываясь видеть Тьму, отказываясь верить, что им овладевает смятение. Никто не слышит их шагов, не обращает на них никакого внимания. Ширин натывается на стену.

(Ширин, срывающимся голосом): – Атон!

(Атон, шёпотом): – Это вы, Ширин?

(Ширин): – Атон! Не бойтесь толпы. Она сюда не ворвется.

Смена кадра. Камера покачивается, свет то и дело выхватывает из Тьмы лицо Латимера, хранителя Культа. Лицо искажено гримасой отчаяния. Он дал слово, и нарушить его значит подвергнуть свою душу смертельной опасности.

Новый кадр показывает лицо Бини, подставленное под последний луч Беты. Его кожа кажется темно-багровым, и Латимер, увидев, как фотограф склонился над фотоаппаратом, принимает решение. Шатаясь из стороны в сторону, он бросается вперед. Перед ним нет ничего, кроме теней... А затем кто-то бросается на него, валит на пол вцепляется в горло.

Латимер изо всех сил бьёт противника коленом:

(Латимер) – Пустите меня или я убью вас!

(Теремон, вскрикнув): – Ах, ты, подлая крыса!

Камера скачет в агонии. На мгновение видно лицо Бини, слышен его хриплый голос: «Есть! К камерам, все!», и тут же последний луч солнечного света исчезает. В полной темноте пропадают все звуки.

Слышен странный вскрик Ширина, вот оборвался чей-то истерический смешок... и снаружи наступила тишина. Странная, мертвая тишина.

Теремон разжимает руки, но и тело Латимера вдруг обмякло и расслабилось. Заглянув в глаза хранителя Культа, Теремон видит в них остекленевшую пустоту, где отражаются желтые кружочки факелов. На губах Латимера пузырится пена, слышно его тихое звериное повизгивание. Оцепенев от страха, Теремон медленно приподнимается на одной руке и смотрит на ледяную кровь черноту в окне. Камера рывком отодвигается, вырывается из окна и, мгновенно развернувшись, обращается к небу. Там сияют звёзды. И не каких-нибудь жалких три тысячи шестьсот слабеньких звезд, видных невооруженным глазом с Земли. Лягаш находится в центре гигантского звездного роя. Тридцать тысяч ярких солнц сияют с потрясающим душу великолепием, еще более холодным и устрашающим в своем жутком равнодушии, чем жестокий ветер, пронизывающий холодный, уродливо сумрачный мир.

Теремон, шатаясь, поднимается на ноги; споткнувшись о какого-то человека, ползущего на четвереньках, и прижимая руки к сведенному судорогой горлу, Теремон ковыляет к пламени факелов, заслонившему от его безумных глаз весь остальной мир.

(Теремон, хрипло) – Свет!

Где-то, как испуганный ребенок, захлебывается плачем Атон.

(Атон, плачет) – Звезды... все Звезды... мы ничего не знали. Мы совсем ничего не знали. Мы думали шесть звезд это Вселенная что-то значит для Звезд ничего Тьма во веки веков и стены рушатся а мы не знали что мы не могли знать и все...

Кто-то пытается схватить факел – он падает и гаснет. И сразу же страшное великолепие равнодушных Звезд надвигается на людей.

А за окном на горизонте, там, где был город Саро, поднимается, становясь все ярче, багровое зарево, но это не свет восходящего Солнца.

Снова пришла долгая ночь.

Конец